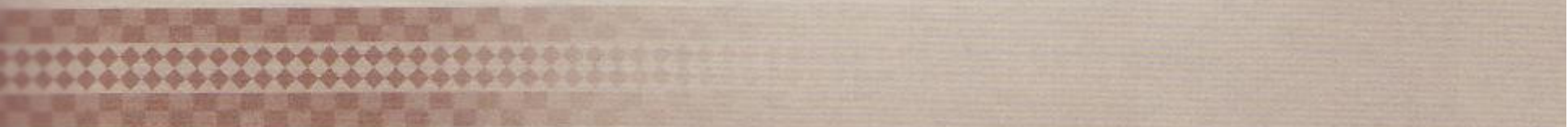

Вячеслав Анхаки

Я ПЕСНЬ ПОЮ ОЛЕНЕВОДУ...

Стихи
самобытного чукотского
поэта

Точка отсчёта

Кто сказал, что ребята из тундры бегут?
Кто сказал, что она оскудела?
Что – конец? Мол, апаппо* в тот мир отойдут,
И останется тундра без дела.

И земля израненной будет взывать
К обрусевшим, цивилильным потомкам.
Нам её врачевать, нам и чаут принять
Из доверчивых рук её тонких.

Чтоб вернулись они – дети нашей земли,
Чтоб вернулись к оленьему стаду.
Напоили, нашли, довели... Сберегли
Нашу жизнь. Нам иной и не надо.

Да, учёные мы. Много можем сейчас,
Нам открыты любые дороги.
Только точка отсчёта любому из нас
В жизни будет с родного порога.

* **Апаппо** (коряк.) – буквально – «дед». Здесь – в значении «старики».

Кто сказал, что ребята из тундры бегут?
Нет, неправда! Они – не повесы.
Вновь мои тумгытумы* уходят в маршрут,
Попросив на прощание песню.

1989 г.

Песнь о Пахачах

На полуострове Камчатка,
За тридевять земель пути,
В соседстве с Тихим необъятным
Стоит посёлок Пахачи.

Куда б дороги не позвали,
За тыщи верст – ты не молчи.
До скорой встречи, Синедолье,
Мои родные Пахачи!

И пусть порою Тихий злится –
Мы с ним на «ты», мы – рыбаки.
Наш сейнер – Родины частица.
Ей не изменят моряки.

И если ставит жизнь задачи,
Сполна воздаст нам по труду,
То верим мы в свою удачу,
В свою рыбацкую звезду!

Суровый край, любимый, нежный,
Я пред тобой всю жизнь в долгу.
Цветущий ты или заснеженный –
В сыновнем сердце берегу.

Куда б тревоги не кидали,
Какие б пурги не мели,
К тебе вернусь я, Синедолье,
Как верный сын твоей земли!

1988 г.

* Тумгытум (коряк.) – товарищ.

Мои корни

Стланик кедровый! Чудо-дерево
На суровой земле отцов.
От Охотского и до Беринга
Вижу вечно я твой покров.

Стланик кедровый! Сколько меряно,
Сколько хожено разных троп.
Сколько найдено и... потеряно
В круговерти земных дорог.

Стланик кедровый! Сколько ветры бы,
Сколько б пурги не били в грудь,
Ты, как друг в лихолетьях преданный,
Облегчаешь тяжёлый путь.

Мне не надо иного берега,
Пышных пальм, неземных цветов.
Мои корни от этого дерева
На прекрасной земле отцов.

1985 г.

На встрече с историей

А. Долгову – другу и наставнику

Я песнь пою оленеводу –
Хозяину заснежных троп,
Маршрутов, кочевых походов,
Достойному светлейших строк.

Когда-то он, больной, голодный,
Одетый в ветхое рваньё,
Пронизанный свирепым нордом,
Богатство пас, но не своё.

Он как бы сгинул на отшибе
 Тех беспросветных страшных лет.
 Но над Россиею прогнившей
 Зарёю вспыхнул новый свет.

И вот сейчас он рядом с нами.
 И горд за молодых — за вас.
 Седой, пронизанный ветрами —
 Тот парень, что оленей пас.

Весёлый пастух

И вот настало время «ух!» —
 Лихие времена!
 Всё с той же лямкой наш пастух,
 Но сгинул бодрый дух.

Нытэмъюн'ги, қ'оян'талг'ын.

Яйв'ачгиң'ын, қ'оян'талг'ын.

Нет у него ни табуна,
 Ни нарты, ни собак.

И жизнь совсем разорена —
 Неужто всё кулак?

Нытэмъюн'ги, қ'оян'талг'ын.

Яйв'ачгиң'ын, қ'оян'талг'ын.

Когда-то бодро тумгытум
 Кричал: «Ты план давай!
 И вкалывай ты, как колун,
 Давай, Авай, давай!»

Нытэмъюн'ги, қ'оян'талг'ын.

Яйв'ачгиң'ын, қ'оян'талг'ын.

И ты давал на коммунизм,
 На мнимый мыльный рай.
 В итоге твой «патриотизм»
 Раздел до кожи край.

Нытэмъюн'ги, қ'оян'талг'ын.
 Яйв'ачгиң'ын, қ'оян'талг'ын.
 Ты жил в ладу, ты с духом жил.
 Я верю, он вернёт
 Добро, что ты с трудом нажил,
 И возродится Род.

Ныкичвиқ'ин қ'оян'талг'ын.

Колыбельная дочери

Отдохнуть легли игрушки.
 Папа их убрал давно.
 Мишка с куклой и квакушкой
 Смотрят сны свои — кино.

Баюшки-баю, дочурка,
 Поскорее засыпай.
 Ветер, под окном в сосульки
 Сказочный мотив сыграй.

Даже сказки спать ложатся,
 Чтобы отдохнуть, тебе
 Ночью голубой присниться,
 Поиграть, позвать к себе.

Баюшки-баю, дочурка,
 Сказки напою напев.
 В лунное окно Снегурка
 Дарит звёздочку тебе.

Подрастёшь — в иные дали
 Позовёт твоя Звезда.
 Будут радости, печали
 И заветная мечта.

Пусть останутся, дочурка,
Сказки — дни в твоей судьбе.
Пусть незлыми будут пурги,
Не засыпят путь тебе.

Солдатам снежных трасс

Сквозь хлёсткую стужу — вьюгу,
Через седой перевал
Соляркой пропахшие руки
Свои с рычагов не снимал.

Всю ночь, не смыкая веки,
С прицепщиком в этот шквал
Кляли и Христа, и снега,
И этот чёртов увал.

На самом крутом подъёме,
Где, кажется, света край,
Он тихо промолвил «пому»:
«Вот так, старина, дерзай».

Когда же, уставшие в доску,
Под утро они пришли,
Сказали без лишних эмоций:
«Мы тут уголёк подвезли».

1982 г.

И вновь весна

И вновь весна журчит, смеётся,
Пришла, капелями звеня.
И, не подвластная норд-остам,
Ты вновь утешила меня.

Вновь стала тундра молодою,
И, повернувши к солнцу лик,
Умылась тёплой водою.
Ты так прекрасна в этот миг!

Земля проснулась! Солнце — бубен!
Сзывает к Кильвею* народ.
По потемневшей снежной шубе
Каюю** — первенец идёт.

1994 г.

Весна

Весна приходит к нам ещё зимой,
Когда норд-ост за окнами метелит,
Когда не спится полночью немой,
Когда нам мнится вечность до апрелей.

Она приходит в самый трудный день,
Когда безвестностью порой охвачен.
Блеснёт надежды луч, растопит тень,
И серый день уже не так и мрачен.

Весна приходит в сны... а наяву —
Зелёной веткой тополиной в вазе,
Моим письмом, где я тебя зову,
Которое отправить не отважусь.

Весна приходит к каждому из нас
С букетом солнца, в бисере капелей.
Я верую, я поздравляю вас,
Чьё счастье согревает и в метели.

1982 г.

* Кильвей (коряк.) — праздник в честь сбрасывания оленями рогов.

** Каюю (коряк.) — оленёнок.

Ты приходи

Ты приходи, согрей мне вьюжный вечер,
Ласки мая в январе верни,
Чтобы мне немного стало легче
В эти вьюгой спутанные дни.

Ты приходи и руки мне на плечи —
В серебринках снега — положи.
Пусть пуржит и в ночь камлает ветер,
Мы с тобой, и в мире — ни души.

Мои мысли — в середине лета,
В августе, где жёлтые дожди
Смыли всё в неведомое «где-то»,
Мне оставив памятное «жди».

Ты приходи, согрей холодный вечер,
Искры мая средь зимы зажги,
Как тогда, когда в тот август свечи
Мы с тобою до восхода жгли.

1979 г.

Кто виноват...

«Кто виноват?» — гадаем мы.
Летят дни чередой.
И безвозвратно грусть зимы
Уйдёт с шальной водой.

«Кто виноват?» — Такая даль
Меж нами пролегла.
Моя любовь, моя печаль,
Ты в памяти светла.

Твой образ, милые черты,
Янтарный цвет волос.
Тебе последние цветы
В росинках чистых слёз.

Я знаю, сожжены мосты,
У каждого дела.
И все ж благодарю, что ты
В те дни со мной была.

Послание другу

Если можешь, прости, что молчал
И на письма я не отвечал.
Видно, быть мне таким до конца.
Не ругай ты меня, подлеца.

Нет, не пал, не спустил я пары.
И, надеюсь, согреют костры,
Те, которые я разведу.
Одиноких согреют в беду.

Ты прости, что я долго молчал.
Просто я человек — и устал.
Под звездой у костра задремал,
И в ту ночь я друзей повидал.

Ты прости, что я долго молчал...

В ночной дождь

Ночь. За окном моросит.
Бисер по стёклам стекает.
Кто-то вот так же не спит,
Огарок в ночи мерцает.

Кто-то вот так же, как я,
Так же свеча догорает...
Мысли под шум дождя
К милой в ночи улетают.

Будет бродить до зари
Дождик ушедшего мая.
Будет мне лить-говорить
Что-то своё, не смолкая.

Милая, знаешь, дожди,
Даже ушедшего мая,
Грустные думы мои
Каплями слёз очищают.

Сестре милосердия

Воздух лимонной настойкой
Лился в палату, пьяня.
На белой больничной койке
В бреду разметался я.

Губы сухие упрямо
Звали в бессонной ночи:
«Возьми мои руки, мама!
Пожалуйста, не молчи!»

Гладили пальцы нежно
Бредовый горячий лоб.
Я засыпал безмятежно,
И больше не бил озноб.

Руки Ваши усердные —
Песни о них бы слагать.
Счастья Вам, милосердная,
Всем нам сестра и мать.

Благодарю мою случайность,
Что не дала мне перейти
За ту черту, где бьётся крайность,
Где пустота одна в пути.

Благодарю дождливый вечер,
Что в Средних зябну Пахачах,
И миг любви зелёным светом,
Что вдруг увидел я в очах.

Благодарю, что эти годы
Ты верно путника ждала,
Меня, ушедшего в невзгоды,
Ты поняла и приняла.

Пройдут дожди. Засыплет снегом
Печаль мою на берегу.
Я миг любви волшебным светом
От жёлтых бед уберегу.

1985 г.

Утро детства

Ночь расплавилась в синих долах,
И над сопками встала заря.
Белый снег тишиною падал
Из ушедшего в ночь декабря.

И над сонным селом кружился
Бриллиантовый сказочный снег.
Свежесть утра в лучах искрилась —
Будто мне звонкий слышался смех.

Эта девственность дня и снега,
Охватившей полнеба зари...
Мысль уносит в ребячью негу,
Губы детское шепчут «замри».

Под ногами искрится тундра.
Словно в сказке, не наяву.
Я себя в это чудо-утро
В то далёкое Детство зову.

1980 г., 1 января

Доброй надежды заря

Год уходящий подвёл уж итоги —
Время его истекло.
Скоро уйдёт через сопок отроги,
Помня и зло, и тепло.

Чтобы царил мир на нашей планете,
Был голубым небосвод,
Чтобы росли дети с солнечным светом,
Жил с нами труженик-год.

Что ж, «г'атав'к'ун»* тебе, год, уходящий
Через отроги, моря.
Мир и «г'амто»** тебе, год восходящий —
Доброй надежды заря.

* Г'атав'к'ун (коряк.) — прощай.

** Г'амто (коряк.) — привет.